Rogov Ilya Igorevich, candidate of philosophical sciences, associate professor; South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: rogov.skags@narod.ru

NEOINSTITUTIONAL VIOLENCE AND SOCIAL ORDER IN TERMS OF UNPREDICTABLE CHALLENGES OF THE XXI CENTURY

Abstract

The article analyzes the situation neoinstitutional theory, in particular - known monograph "Violence and social orders," co-written by three well-known Western economists - Douglass North, John Wallis and Barry Weingast. The authors of this article the reader to critically analyze the principles and guidelines neoinstitutional theory in the context of scientific and theoretical schemes, and in comparison to the objective world trends. The conclusion arrived at by the authors, is disappointing: neo-institutional theory, so popular in some academic circles, hopelessly outdated, do not reflect today's realities, and its only value - serve as a scientific legitimization of the ruling elites in the West.

Keywords: *institutions, state neoinstitutionalism, violence, social order, natural state and open society, open access order.*

УДК 316 DOI: 10.23394/2079-1690-2017-1-3-174-180

КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ*

Лубский Анатолий Владимирович	доктор философских наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 160). E-mail: avlubsky@gmail.com
Сериков Антон Владимирович	кандидат социологических наук, доцент, директор Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 160). E-mail: avserikov@sfedu.ru
Стукалова Дарья Николаевна	научный сотрудник Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 160). E-mail: dar.stukalova@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрен конфликтогенный потенциал миграционных потоков. Авторы описывают степень влияния конфликтов, вызванных миграциями, на национальную безопасность. В работе анализируется большое количество теоретических подходов и исследований миграций и их влияния на национальную безопасность. Авторы рассматривают механизмы возникновения конфликтов между мигрантами и принимающим населением, а также феномены мигрантофобии, ксенофобии и этноцентризма.

Ключевые слова: *миграции, национальная безопасность, конфликты, принимающее население, ксенофобия, мигрантофобия, этноцентризм.*

Внешние и внутренние миграционные потоки сопровождаются усилением их конфликтогенного потенциала, который обнаруживается в конкретных условиях взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества на локальном уровне. Конфликтогенный потенциал миграционных потоков проявляется в деструктивных формах межэтнического взаимодействия, повседневных практиках этнического экстремизма и ксенофобии. При этом опасность конфликтогенного потенциала заключается в том, что при выходе межэтнической напряженности за допустимые пределы возникают открытые конфликтные ситуации и вигилентные этнические конфликты [1].

Отдельные аспекты конфликтогенности миграционных потоков уже получили освещение в современной российской социологической литературе. Прежде всего, это вопросы, связанные

* Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 16-33-00030 «Антропотоки и этнические диаспоры: социальные практики взаимодействия, особенности коллективных идентичностей и национальная безопасность в странах со сложной этнокультурной структурой (Россия и Германия)».

с причинами конфликтогенности миграционных потоков в России [2,3,4]. При этом одни исследователи считают, что конфликтогенность миграционных потоков обусловлена этнокультурной и этноконфессиональной несогласованностью и противоречиями между мигрантами и принимающим населением [5]. Другие ученые причины конфликтогенности миграционных потоков видят в том, что на нарастание этих потоков приводит к усилению социально-экономической дифференциации и дестабилизации экономических и социальных отношений в локальных сообществах, что сопровождается ростом антимигрантских настроений и усилением ксенофобии [6]. В таких условиях, с одной стороны, принимающее сообщество видит в мигрантах корень всех своих социальных бед. С другой стороны, причиной конфликтогенности миграционных потоков являются сами этнические мигранты, которые не стремятся к интеграции в локальные сообщества и не всегда вписываются в их институциональные практики повседневности. В лучшем случае мигранты мобилизуются только лишь во имя сохранения своей культуры и признания ее самобытности, но и такая практика отрицательно расценивается принимающей стороной [3].

Некоторые исследователи, изучая конфликтогенность миграционных потоков, приходят к выводу, что источником антимигрантских настроений часто выступают средства массовой информации, для которых характерно «игнорирование мнений экспертов, ретрансляция информации стереотипов обыденного сознания – с его глубоко ксенофобными настроениями» [7].

В научной литературе рассматриваются некоторые аспекты, связанные с необходимостью снижения конфликтогенности миграционных потоков. При этом некоторые исследователи считают, что проблема управления конфликтогенностью миграционных потоков в России должна решаться, прежде всего, на уровне государства, а не отдельных регионов, поскольку те управленческие решения, которые время от времени принимаются в некоторых регионах, касаются каких-либо отдельных и не решают проблему конфликтогенности миграции в целом [8].

Существует также научная литература, связанная с изучением конфликтогенности миграционных потоков в российских регионах, в частности, на Юге России. При этом в центре внимания исследователей находятся такие вопросы, как факторами конфликтогенности миграционных потоков в регионе [9], практики управления конфликтогенностью межэтнического взаимодействия на Юге России [10,11], конфликтогенность миграции на Северном Кавказе [12, 13]. В научной литературе существует точка зрения, согласно которой конфликтогенность миграции обусловлена тем, что этнические мигранты заведомо настроены на неприязненное отношение со стороны принимающего сообществе. Это иногда подталкивает мигрантов, для которых свойственно ощущение повышенной значимости своей этнической идентичности, к эпатажной, а иногда и вызывающей ее демонстрации [9, 30].

В связи с этим исследователи обращают внимание на то, что уровень конфликтогенности миграционных потоков зависит от степени комплиментарности или между этноинститутами принимающего населения и этноинститутами мигрантов. Поэтому при изучении конфликтогенного потенциала миграционных потоков важно оценивать, с одной стороны, уровень этнической толерантности местного сообщества и способность к комплементарному этническому поведению, с другой стороны, степень готовности мигрантов к институциональной адаптации и социальной интеграции. При этом степень такой готовности, как отмечают исследователи, зависит от «силы этноинститутов прибывающего населения, способности этногрупп мигрантов к консолидации или анклавизации, авторитета их собственных этноинститутов» [14].

Некоторые исследователи отводят особую роль СМИ как фактору, усугубляющему конфликтогенность миграции на Юге России. Речь идет о том, что некоторые альтернативные СМИ, будучи непосредственно вовлеченными в социальные процессы, выступают в роли инструмента формирования интолерантного сознания и деструктивных поведенческих практик принимающего населения, усиливая риск этносоциальной дестабилизации. Транслируя ксенофобские настроения и мигрантофобские установки, некоторые СМИ препятствуют возможному межкультурному диалогу между этническими мигрантами и местным населением. В этом случае «СМИ фактически выступают инструментом социальной стигматизации В то же время исследователи отмечают, что некоторые СМИ обладают огромным мобилизационным потенциалом, характеризующимся толерантностью и конструктивностью и стимулирующим гармонизацию межэтнических отношений [15].

В современной литературе уже поставлен вопрос о необходимости трансформации миграционной политики в России, усилении ее направленности на снижение конфликтогенности межэтнического взаимодействия в полиэтнических регионах. При этом исследователи считают,

что достижение стабильности в межэтнических отношениях следует достигать путем воздействия непосредственно на сами отношения между мигрантами и коренным населением. Систему управленческих практик при этом следует формировать с учетом этнокультурных, этноконфессиональных и этнополитических характеристик того или иного региона. «В отсутствии открытых конфликтов, залповой миграции, упрочения отношений региона и федерального центра целесообразны, – как отмечают исследователи, – новые усилия власти, местного самоуправления, гражданского общества, институтов церкви, политических организаций по стабилизации и развитию региона. Здесь актуальны как непосредственные, так и опосредованные воздействия на сферу межэтнических отношений»[16]. Поэтому эффективное управление межэтническими отношениями регионе должно осуществляться не только посредством миграционного законодательства и принятия соответствующих программ, но во взаимодействия региональных органов власти с национально-культурными общественными объединениями и национально-культурными автономиями.

Анализ современной социологической литературы позволяет сделать вывод о том, что понятие «конфликтогенный потенциал миграционных потоков» еще не используется в социологическом дискурсе. В основном социологи оперируют понятием «конфликтогенность миграционных потоков». В рамках операционального определения этого понятия конфликтогенный потенциал миграционных потоков рассматривается как их возможность создавать социальные условия для возникновения конфликтогенных ситуаций и этнических конфликтов.

Генезис конфликтогенного потенциала миграционных потоков связан с тем, что этнические мигранты, прибывая в иное этнокультурное пространство, не хотят или не могут свою этничность [26, 29] в соответствии с местными социокультурными традициями и неформальными социальными институтами, а принимающее население в свою очередь не стремится трансформировать сложившиеся институциональные практики [27, 28, 31] .

Таким образом, в современном научном дискурсе предметом обсуждения исследователей является конфликтогенность миграции в контексте межэтнических отношений и интеграции мигрантов в региональных сообществах [17]. Однако вопросы, связанные изучением конфликтогенного потенциала миграционных потоков, актуализированы, но не получили еще должного освещения, в том числе и в контексте обеспечения национальной безопасности России.

В связи с этим возникают два вопроса: как определить наличие конфликтогенного потенциала в конкретном локальном сообществе и какие факторы влияют на изменение уровня конфликтогенного потенциала миграционных потоков. О наличии конфликтогенного потенциала миграционных потоков в регионе свидетельствует: во-первых, возникновение настроений неудовлетворенности у мигрантов и представителей принимающего сообщества, возникновение противоречий в социальной и экономической сферах, нарушение сложившихся социальных связей и отношений, усиление этносоциальной напряженности в локальном социуме; во-вторых, утрата доверия к органам региональной и муниципальной власти; В-третьих, возникновение эксцессов, столкновений и конфликтов на этнической почве.

Факторы конфликтогенного потенциала миграционных потоков – это условия, в которых оказываются мигранты и принимающее сообщество в процессе межэтнического взаимодействия, провоцирующие интенсификацию конфликтогенного потенциала. Эти факторы взаимосвязаны между собой, и в каждой конкретной ситуации влияние на конфликтогенный потенциал миграционных потоков оказывает ни какой-либо отдельный фактор, а их совокупность. Так, исторический фактор проявляется в активизации негативной этнической памяти, базирующейся на этномифах и этнических стереотипах. Сущность экономического фактора заключается в росте конкуренции на рынке труда, усугублении проблемы безработицы и угрозе экономическому благосостоянию как последствий миграционных потоков, которые также нередко мифологизированы посредством этнической стереотипизации.

Социальный фактор связан с социальными проблемами региона, а также ростом преступности и увеличивающейся террористической угрозой, которые часто связываются местным населением с мигрантами. С одной стороны, некоторые мигранты действительно бывают замешаны в криминальной деятельности, что вызвано отсутствием у них качественного образования и дефицитом путей самореализации, социальным отчуждением и культурной маргинализацией, а также рядом наличием «социально-психологических, статусных, этнических и социально-экономических рисков» [18]. С другой стороны, согласно выводам экспертов, представления о росте преступности на фоне миграции является распространенным стереотипом («мигрант – преступник») среди представителей принимающего сообщества [8]. На росте конфликтогенного

потенциала сказывается также несовершенство в России государственной миграционной политики.

Особым фактором конфликтогенного потенциала миграционных потоков является специфика этнического поведения молодежи в новых социокультурных условиях. Этническая молодежь, как особенно активная, часто нетерпимая и наиболее уязвимая интолерантная социальная группа, способна выступать в качестве дестабилизирующего фактора в межэтнических взаимодействиях. Поэтому сложившиеся поведенческие практики как местной молодежи, так и ее представителей из среды мигрантов имеют отдельное значение в формировании конфликтогенного потенциала миграционных потоков. Этническая ангажированность СМИ, трансляция мифологем об этнических мигрантах, распространение этнических стереотипов в среде принимающего населения также являются важными факторами формирования конфликтогенного потенциала миграционных потоков. Особенность этнического фактора заключается в том, что все другие факторы, повышающие конфликтогенный потенциал миграционных потоков, не обходятся без этнической окраски. Следовательно, в «чистом» виде этот фактор проявляется реже, чем в качестве «усилителя» других факторов. Одновременное действие этих факторов, их корреляция и взаимообусловленность порождают межэтническую напряженность и создают условиях для интенсификации конфликтогенного потенциала миграционных потоков.

Усиление миграционных потоков в контексте несформированных механизмов социокультурной интеграции и адаптации сопровождается ростом их конфликтогенного потенциала, порождая угрозы национальной безопасности России [19]. Методологические трудности, связанные с изучением национальной безопасности России, обусловлены наличием различных парадигмальных оснований, в рамках которых существует широкий разброс представлений о том, что такое национальная безопасность вообще. В теоретическом плане эти основания являются односторонними, и поэтому не позволяют рассматривать национальную безопасность как целостное социальное явление.

Преодоление парадигмальных односторонностей предполагает разработку многомерного методологического конструкта научного изучения национальной безопасности России в рамках неоклассической модели научных исследований, основу которой составляет принцип конструктивного реализма. Такой конструкт базируется на синтетическом использовании методологического потенциала «парадигмы интересов», «парадигмы ценностей» и «парадигмы деятельности», дополненных эвристическими возможностями концепции «Smart power» («умной силы») при изучении национальной безопасности [20].

В официальных документах в настоящее время доминирует «деятельностная парадигма» национальной безопасности. Например, в Указе Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (2009 г.) национальная безопасность трактуется как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства [21]. В связи с этим национальная безопасность рассматривается как результат деятельности государственных структур, направленной на выявление, предупреждение, ослабление, нейтрализацию и отражение опасностей и угроз для личности, общества и государства.

Однако усиление миграции, в целом отражающее глобальные тенденции по стиранию прежних региональных границ, показало, что российское общество и государство не готово в полной мере не только к урегулированию проблем, связанных с внешней миграцией, но и к решению вопросов, актулизируемых внутренними миграционными потоками [22]. Этноэгоизм, этноцентризм и шовинизм, проявляющиеся в деятельности ряда общественных объединений, а также усиление миграционных потоков способствуют усилению национализма, политического и религиозного экстремизма и создают условия для усиления социальной напряженности и возникновения конфликтов.

Для России серьезным вызовом национальной безопасности стали массовые миграционные процессы, влияющие на социальную обстановку в стране и особенно в ее отдельных регионах, что привело к появлению такого феномена как мигрантофобия. Мигрантофобия – это, как отмечают исследователи «неизбежная составляющая адаптационной реакции принимающего общества. Она стремительно и мощно вошла в уже существовавший ксенофобский комплекс, придала ему новый смысл и размах. Иногда она приобретает форму давно известных этнических, расовых или культурных фобий и часто отождествляется с ними» [23].

Некоторые исследователи усиление мигрантофобии видят в экономических причинах. Поэтому на повышение уровня мигрантофобии в российском обществе повлияло, как отмечают они, «во-первых, серьезное ухудшение положения на рынках труда, появление и рост безработицы, сильное имущественное расслоение общества и обеднение большой части российского населения, что значительно повысило роль такой компоненты, как конкурентность, в восприятии этим населением притока мигрантов. Во-вторых, развитие процесса регионализации и политизация региона привели к мобилизации локальной идентичности, существовавшей раньше в пассивных латентных формах, и к обострению на ее основе противопоставления "свой – чужой"» [24].

Действительно в периоды экономических кризисов обостряется потребность в установлении социальной справедливости. Острое ощущение ее отсутствия, выражающееся в резком расслоении социума, обеднении большинства населения, активизирует чувства обиды и раздражения. Появление в обществе массовой фрустрации приводит к поиску виновных в сложившейся ситуации. Тот, кто добивается успеха (реального или воображаемого) или хотя бы стремится к нему, воспринимается как незаконный конкурент.

Однако объяснение мигрантофобии только экономическими причинами представляется упрощением проблемы. Парадокс заключается в том, что мигранты чаще всего не являются конкурентами, а занимают те социальные позиции, которые местное население считает не просто мало престижными, но и сомнительными (торговля, строительные работы, обслуживание, частное предпринимательство и т.п.). Сильнее всего негативизм вызывает сам факт адаптации приезжих, их способность вписаться в рутинную жизнь российских городов, а иногда и успех на избранном поприще. Однако не только успешная экономическая адаптация мигрантов вызывает негативные эмоции принимающей стороны, но и ее сетевой характер. Сетевой характер адаптации находит отражение во внутриэтнической солидарности мигрантов, основой которой выступают этнокультурные отличия приезжих от принимающего сообщества[25].

Если говорить о культурно-цивилизационных причинах мигрантофобии, то есть несовместимости, конфликтности культурных ценностей, норм, традиций, то в этом случае правомерно рассматривать столкновение традиционной (сельской) и модернизированной (городской) культур. На наш взгляд, сведение мигрантофобии к «столкновению цивилизаций» по С. Хантингтону, не соответствует российской действительности, поскольку в сегодняшней России мигрантами оказываются бывшие граждане Советского Союза, которые в силу различных причин въезжают на территорию Российской Федерации.

Особенностью мигрантофобии в России является то, что она приобрела устойчивый институциональный характер, то есть поддерживается, как считают некоторые исследователи, определенными политическими силами и государственными структурами, в частности, административными и силовыми [26]. Негативное отношение к мигрантам и дискриминационная политика по отношению к ним часто оправдывается ссылками на то, что они не представляют никакой экономической ценности для принимающей страны.

В целом причинами актуализации мигрантофобии в России выступают неопределенная миграционная политика, неэффективная деятельность властей, коррупция, политическая безответственность и поиск виновных (по этническому признаку) в социально-экономических провалах отдельных регионов. Как отмечают исследователи, «отсутствие четкой государственной политики для противодействия негативным явлениям в обществе влечет за собой еще большее разделение граждан по принципу «мы/они», а фактическое бездействие государства в решении сложнейшей проблемы интеграции мигрантов привело к тому, что общество оказалось разделенным на «своих» и «чужих» [27].

Исследователи обращают также внимание на то, что основой мигрантофобии является усиление этнизации миграции, которая является прямым следствием этноцентрического дискурса. Данный дискурс представляет способ теоретического упорядочивания (классификации, организации) социальной реальности, при котором базисной категорией выступает «этнос» [28]. В рамках этого дискурса этнизируется не только миграция, но и социальная реальность в целом. Как следствие – миграционный приток населения, этнически отличающийся от населения принимающего сообщества, не может быть воспринят иначе, как несущий угрозу.

В целом можно отметить, что особенностью ксенофобии в современной России является смешение межэтнических и социальных маркеров в идентификации «своих» и «чужих». Безусловно, факторы роста этно- и мигрантофобий не могут быть объяснены однозначно, с одной стороны, они обусловлены как наличием в обществе многих, до сих пор нерешенных социальных

проблем, так и новыми вызовами, связанными с глобальными трансформациями в экономической, политической, культурной сферах жизни страны. Это ведет к росту внутренней ксенофобии, проявляющейся часто в радикальных формах и способной дестабилизировать социальную ситуацию в том или ином регионе, что является прямой угрозой не только региональной, но национальной безопасности России.

Литература

1. *Чернобровкин И.П.* Этнические вигилентные конфликты в ФРГ и России в сравнительной перспективе // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 11. С. 247-255.
2. *Дробижева Л.М.* Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 119-129.
3. *Дмитриев А.В.* Конфликтогенность миграции: глобальный аспект // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 4-13.
4. *Мукомель В.И.* Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. № 1. С. 34-50.
5. *Арутюнян Ю.В.* Москвичи. Этносоциологическое исследование. М.: Наука. 2007. 271 с.
6. *Мукомель В.И.* Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М.К. Горшков; Институт социологии РАН. Москва: Новый Хронограф, 2016. Вып. 14. С. 411-467.
7. *Мукомель В.И.* Российские дискурсы о миграции: «нулевые годы» // Россия реформирующаяся: Ежегодние-2011. Вып. 10. / Отв. ред. академик РАН М.К. Горшков. М.: Нестор-История, 2011. С. 86-108.
8. *Дмитриев А.В.* Миграция: конфликтное измерение. Изд. 2-ое. М.: Альфа-М. 2007. 432 с.
9. *Лубский А.В.* Факторы этнической конфликтогенности на Юге России: методологические проблемы исследования // Южный федеральный округ: динамика межэтнических отношений в меняющемся этнополитическом пространстве: Материалы научно-практической конференции. Ростов н/Д; Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2009. С. 36–49.
10. *Аствацатурова М.А.* Северный Кавказ: перспективы и риски (Трансформация регионального этнополитического пространства). Монография. М.: Московское бюро по правам человека. 2011.
11. *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В.* Конфликтологические сценарии Юга России в контексте социокультурного развития региона // Научно-аналитический журнал обозреватель – OBSERVER. 2012. № 7. С. 5-14.
12. *Петров В.Н.* Размышления о Северном Кавказе и не только… Часть VII. Земельный вопрос. URL: http://www.lawinrussia.ru/node/283719. (дата обращения: 11.08.2017)
13. *Денисова Г.С., Радовель М.Р.* Этносоциология: Учеб. пособие для студентов ун-тов и пед. вузов. Ростов-н/Д: Изд-во ООО «ЦВВР», 2000. 280 с.
14. *Барков Ф.А., Сериков А.В.* Этноинституциональные факторы межэтнических отношений в контексте миграционных процессов в Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2014. № 3. С. 129-140.
15. *Бедрик А.В.* Конфликтогенный потенциал СМИ в процессах адаптации этнических мигрантов. Научные исследования: от теории к практике. Материалы IV Международной научно-практической конференции. 2015. С. 164-166.
16. *Аствацатурова М.А.* Управление в полиэтничном регионе: современное состояние и перспективы. / Симпозиум 3. Социально-экономическое, политическое и духовное развитие России: актуальные проблемы истории и современности. 2007. 7 с.
17. *Савва М.В.* Проблемы интеграции мигрантов в местное сообщество на Юге России // Миграция и толерантность: материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарская академия МВД, 2004. С. 286.
18. *Бедрик А.В.* Трудовая адаптация этнических мигрантов в условиях социальных рисков (на примере Ростовской области) : Дисс. канд. социол. н.: г. Ростов н/Д, 2007. 178 с.
19. Черноморско-Каспийский регион: вызовы и угрозы национальной безопасности России в условиях геополитической, георелигиозной и геоэкономической конкуренции. Ростов-на-Дону, 2015. 258 с.

20.*Дятлов В.И.* Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Полития. № 3-4 (58-59). 2010. С. 121-122.
21.Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. N 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. Федеральный выпуск № 4912. 19 мая 2009 г.
22.*Волков Ю.Г., Денисова Г.С., Лубский А.В.* Развитие этнических культур как инструмент национальной политики на Юге России: по материалам социологического опроса // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 12. С. 9–18.
23. *Волков Ю.Г., Вялых Н.А., Дегтярев А.К., Лубский А.В., Посухова О.Ю., Сериков А.В., Чернобровкин И.П.* Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых станах со сложной этнокультурной структурой: Монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/д: Фонд науки и образования, 2015. С. 106–128.
24.*Витковская Г.* Вынужденная миграция и мигрантофобия в России // Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Под ред. Г. Витковской и А. Малашенко; Моск. Центр Карнеги. М., 1999. С.169.
25.*Бедрик. А.В.* Социальная адаптация этнических мигрантов в Ростовской области. Ростов н/Д, 2007. С.50.
26.*Ракова И.В.* Факторы формирования конфликтогенной мигрантофобии // Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. Сб. статей. Северо-Кавказское обозрение ЦСРИиП ИППК РГУ. Вып.6. Ростов н/Д: Издательство СКНЦ ВШ, 2002.
27.*Моргунова А.* Миграция. Проблема? // Вестник общественного мнения. № 2 (104) апрель-июнь 2010. С.94-95.
28.*Малахов В.* Преодолимо ли этноцентричное мышление? // Расизм в языке социальных наук / Под ред.В. Воронкова, О. Карпенко, А.. Осипова. СПб.: Алетейа, 2002.

***Lubsky Anatoly Vladimirovich*,** Doctor of Philosophy, professor of department of theoretical sociology and methodology of regional researches; Southern Federal University (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: avlubsky@gmail.com
***Serikov Anton Vladimirovich*,** Candidate of sociological sciences, associate professor, director of Institute of sociology and regional studies; Southern Federal University (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: avserikov@sfedu.ru
***Stukalova Darya Nikolaevna*,** Research associate of Institute of sociology and regional studies; Southern Federal University (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation).
E-mail: dar.stukalova@gmail.com

THE CONFLICTOGENIC POTENTIAL OF MIGRATION FLOWS IN THE CONTEXT OF ENSURING NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

Abstract

In article the conflictogenic potential of migration flows is considered. Authors describe extent of influence of the conflicts caused by migrations on a homeland security. In work a large number of theoretical approaches and researches of migrations and their influence on a homeland security is analyzed. Authors consider mechanisms of emergence of the conflicts between migrants and the accepting population and also phenomena of a migrant-phobia, xenophobia and ethnocentrism.

Keywords: *migrations, national security, the conflicts, the accepting population, xenophobia, migrant-phobia, ethnocentrism.*